

БЕЗОБРАЗИЕ

Мне очень непонятно рассуждение или видение исторических событий нашими властями. Я не из-за этих тысяч рублей, которые собираются выплатить лицам, претерпевшим насилие от власть имущих: блокадниках, участниках ВОВ, детей немецких ГЕТТО и др. Мне непонятно, почему делают различие между детьми, претерпевшими насилие от германских властей и от советских властей. Какая разница ребёнку, кто его оставил голодным, разутым, раздетым и ещё заставил трудиться в колхозе бесплатно, лишённого родителей и жилища. Узников гетто хоть баландой кормили, а советским детям, попавшим в сталинские жернова, ничего вообще не давали. Кому было хуже? У нас даже блокадникам Ленинграда давали по кусочку хлеба в день. И они выдержали 900-дневную блокаду. А дети из Саратова, попавшие под выселение, не знавшие до этого сибирских холодов, с первых дней пребывания в ссылке оказались изгоями. Хуже блокады не придумаешь, чем эта, длившаяся 2000 с лишним дней.

Правительство делает вид будто ничего не знают об этом и ничего не предпринимает. «Всё хорошо под сиянием лунным. Всюду родимую Русь узнаю...» (Н.А. Некрасов). К этому надо ещё приплюсовать отношение с презрением и ненавистью всех видов властей к изгнанникам (на всём протяжении этой правительственной блокады). Они себя считали стоящими на такой высоте и совершенно не считали за людей саратовских изгнанников, не имеющих права поменять место жительства и даже жаловаться на созданную им обстановку, когда избавления от этой блокады абсолютно не было и даже надежда была утрачена. Широкому кругу ребячьего населения была возможность учиться только в 4-х летней школе, а далее бесплатный труд, не оставляющий никакой надежды на улучшение быта, т.е. жилья, отопления, питания, освещения – всего, что могло бы хоть как-то скрасить существование в этой созданной правительством блокаде. Но и это ещё не всё. После войны, созданные Правительством СССР комендатуры, продолжали насилие не только над взрослыми людьми, но и над несовершеннолетними подростками, уже отработавшими по 3-4 года в колхозах бесплатно. Были взяты с них «подписки о не выезде», где предупреждалось, что в случае отлучки с места поселения, они без суда и следствия получают 20 лет тюремного заключения. Ни блокадники Ленинграда, ни узники гетто не знали этого. И это ещё не всё! Ведь разрешение на возвращение на родину саратовцы получили только через 50 лет. Это, наверное, впервые в истории человечества такое насилие над ни в чём неповинными людьми, работающими, добросовестными тружениками, показывающими пример отношения к работе. Даже вернувшиеся, испытывавшие лишения, показывали себя с лучшей стороны: и трактористы, и комбайнеры, и бригадиры полеводства, и механики, и токари, и кузнецы, и шофёры оказывались первыми и часто около правления местного колхоза поднимался в их честь вымпел за их стахановскую работу на полях и фермах, обычно в период посевной и уборочной компании. А насчёт ущемлений надо добавить, что изданный Закон Саратовской области от 28 апреля 2005 г. № 39 ЗСО «О предоставлении жилых помещений в Саратовской области» заранее, чтобы не давать жильё вернувшимся из ссылки выжившим в изгнании людям, аннулирован хитрой справкой под названием: «Справка об утрате жилья», которую никто, нигде не выдаёт. У граждан имеются справки «О выселении» выданные на главу семьи с указанием адреса выселяемого, где перечислены все члены семьи. Выселяемая семья не могла увезти с собой квартиру, а только два чемодана и скрутку постельного имущества. Всё было оставлено и продукты питания: соленья, варенье и всё остальное, картошка, капуста

в бочках и запас дров в поленницах. И эта справка «Об утрате жилья» ничто иное, как продолжение репрессий в отношении и так едва выживших людей, большая часть которых осталась в Сибири и на Урале. Некоторые погибли в шахтах уже в 1941 году, не успев освоить профессию шахтёра. Так семья Соколовских, наших земляков-саратовцев потеряла отца и мужа в 1941-м. Мать осталась с тремя детьми без продуктов питания. Выменивала последнюю одежду на картошку, лишь бы выжить. И на все обращения людей по поводу выхолощенного Закона «39-ЗСО», из всех инстанций только отписки, где обходят само название «Справка об утрате жилья». Видимо, какой-то высокопоставленный негодяй изобрёл способ, как инструмент для лишения человека жилья, на которое он по Закону имеет право. И в ответах, обходя главный вопрос, цепляются за ничего не значащие темы. Ведь ответить они должны и отписываются, не решая основного вопроса, по которому обратился гражданин. Ведь на весь мир кричали по радио, что мы «интернационалисты» и «демократы», а в жизни получается другое. Ведь неслучайно множество людей давно поняли, что национальность в России играет огромную роль. Вот и появилось множество русских с татарскими, мордовскими и др. фамилиями. Множество переделанных фамилий с добавкой буквы «В», или окончания на «ОВ» или «ЕВ». Например, Спивак-ов, Козак-ов, Ашомченко-в, Павлюков, Лазаренко-в, Сердюк-ов.

А что касается детского труда в военные годы, то здесь особо отличились работнички соц. защиты населения. Они, вместо того, чтобы отблагодарить работавших в несовершеннолетнем возрасте малолетних тружеников, выполнявших мужицкую работу пахарей, бороноволоков, скирдовщиков, жнецов и грузовых извозчиков, взяли и выбросили из их стажа работы, годы несовершеннолетия, т.е. самые тяжёлые годы работы, когда дети обессиленные голодом, забывшие, что такое хлеб и ждавшие всходов лебеды и крапивы, как манны небесной, худые, бледные, полуодетые и босяком ежедневно трудились на всех видах сельскохозяйственных работ. И этим горе-руководителям и в голову не приходило организовать хотя бы одноразовое питание в обеденный перерыв. Вот как относились к малолетним труженикам в период ВОВ и после неё. А теперь ещё, уже после выхода на пенсию, бывших подростков, кто дожил до пенсии и не окоурился раньше времени, огорошили новым своим вывихом. Через 60-65 лет выдали шедевр своей безголовости. Где вы были раньше? Когда малолетние подростки по присланным повесткам обязаны были отработать всё лето в колхозе бесплатно – это требовали с угрозой. В случае не выполнения, будете принудительно отправлены в ФЗО. А ФЗО в военное время было рассадником жулья. Там главенствовали не руководители, а старшие по возрасту и шпанности переростки, обучавшие воровству всех остальных. Мой сосед попал в ФЗО и стал жуликом, с присвоенной ему кличкой «Рыжий». Они группами и в одиночку ходили по городу и тащили всё, что «плохо лежит». Однажды он вытащил у девчонки хлебные карточки и, видя, как она убивается, думая, что потеряла их, пожалел её и вернул их, сказав, что подобрал карточки на земле у киоска. Это редко случалось, когда возвращали украденное. В те годы потерять хлебные карточки, означало «сдохнуть с голода». А саратовских ссыльных лишили хлебных и продовольственных карточек с момента выезда из г. Саратова, т.е. начиная с сентября месяца 1941 года и далее до отмены всех карточек в 1947-м году. Люди были выброшены с небольшой ручной кладью и с первых же дней вынуждены были выменивать свои личные вещи на продукты. Но, к сожалению, этих личных, дорогих вещей у ссыльных было немного.

Так, мои родители променяли часы ручные и карманные, шёлковое платье, опасную бритву, сапоги хромовые, лампу настольную керосиновую и чернильный прибор. Этого хватило ненадолго. Далее, в полевой работе городская одежда, не предназначенная для этого, быстро изнашивалась и остались мы босые и

полураздетые. К счастью, в селе, куда я пошёл учиться за 17 километров в 7-й класс, работала артель под названием «Верёвочка», где плели на продажу верёвочные лапти. Это нас очень выручило, т.к. для зимы лапти очень удобная обувь, лёгкая для ходьбы, а на ходу ноги не мёрзнут. Это уже была вторая зима в сибирской ссылке. А на занятия в школу я ходил в старых, сплошь покрытых заплатками опорках, остатками от валенок, носимых в 6-м классе. Эти подробности привожу, чтобы было яснее и понятнее положение, в котором находились выселенные саратовские дети. В связи с этой обстановкой, сложившейся в деревенской жизни, где указаниями свыше была закрыта семилетняя школа и оставлена только 4-х летняя, бросили учёбу все дети, окончившие 4-й, 5-й, и 6-й классы, т.е. около 100 человек были обречены остаться с начальным 4-х классным образованием. Это случилось бы и со мной, если бы не моя мама, по профессии учительница начальных классов, окончившая в своё время Петровскую гимназию. Она настояла на продолжении учёбы в вышеупомянутом селе Ёлтышево, находящемся в 17-ти километрах от нашей деревни. В холодное время я не посещал деревню, иначе и в школу было бы не в чем ходить, а в тёплое время ходил босиком. Мама в этот период приходила в лаптях, принося мне картошку, один раз в две недели. Вот так протекала жизнь саратовских ссыльных в военные годы. Удивляться не приходится тому, что труженики сибирской деревни сплошь были неграмотными, т.к. большинство этих ребят-подростков остались без отцов, арестованных в 1936-1937-м годах, а у остальных отцы были мобилизованы в армию в 1941-м. Матери, сами неграмотные, не настаивали на учении в школе своих сыновей. Вот и результат сплошной безграмотности, когда вместо подписи они ставили крестик. Но главное, чего упустить нельзя, это то, что эти пареньки-подростки уже являлись кормильцами семей и уже в свои 13, 14, 15 лет они досрочно развивались физически, обретая мужскую силу и навык.

Нисколько не преувеличивая, скажу, что на моих глазах два подростка, один 14-ти лет, а второй 15-ти лет, подняли над головой двухпудовую гирию, это 32 килограмма, без видимых усилий, как я бы поднял шапку вместо гири. Это говорит о том, как физический труд развивает мышцы человека. Все многократно рекламируемые физические упражнения, скажем в утренней гимнастике, передававшейся по радиотрансляции, которые я слушал ещё в Саратове, выполняя под музыку, не имеют такого эффекта, как крестьянский труд, действительно развивающий мышцы человека. Что касается утренней гимнастики, то я даже фамилию ведущего помню – Набоков.

А в сибирских деревнях и сёлах ведь ни радио, ни электричества не было. Представьте себе такую обстановку. Вечером коптилка на керосине от трактора СТЗ, мрак, никто ничего не читает, не умеют и не хотят этому учиться. Все лежат вповалку на русской печке и на полатах, пристроенных к печке. Засветло управляют с домашним хозяйством, т.е. чистят навоз и дают корм животным и пойло. Но это делают только хозяйственные люди. А, например, овдовевшие женщины с 4-мя детьми были не в состоянии это делать, т.к. ходили ещё на полевые работы в колхоз. У них коровник, по-сибирски «стайка», это 6 или 8 столбов с перекладинами, на которые сверху настелены жерди. Это основание крыши, куда складывается сено и солома, являющиеся кровлей, а вместо стен устанавливаются снопы конопли, жердями же прижимающиеся к столбам и к ним привязывающимся. Навоз не убирается, а разравнивается по полу и к весне его слой накапливается такой, что корову вывести уже не удаётся. Её собравшиеся соседи вытаскивают лежащую на боку, верёвками. Это я видел и присутствовал при этом. Дело в том, что корове от накопленного навоза значительно теплее. А стены из конопляных снопов ещё заносит снегом выше крыши, что тоже помогает сохранять тепло в зимнее время. Вот так люди, веками живущие в суровых сибирских условиях, приспособились к

трудной и тяжёлой окружающей их обстановке. Я слышал рассказ уральского охотника, воевавшего на фронте ВОВ. Он зимой, оказавшись вне укрытия, нашёл выход: распорол брюхо убитой лошади и вытащив внутренности, - залез в пустое брюхо, закрыв за собой «вход» каким-то тряпьем. Он не замёрз, остался жив. При 1-м ранении благополучно вернулся домой.

Так люди, закалённые суровым климатом, оказываются более приспособлены к разного рода испытаниям природой. Это в порядке вещей. А вот испытания, навязанные «родным» правительством, переносятся значительно труднее. Их не выдерживают даже сибирские мужики. Большинство отцов, взятых в 1936-37 гг., домой не вернулись, а которые вернулись, были неходячими. У них были ноги толстые, как столбы. Вскоре они ушли в мир иной. Разве можно сравнить по выносливости нас, саратовцев, городских жителей, живших в умеренном климате, в городских квартирах с голландскими печами, отапливаемыми дубовыми дровами, электрическим освещением люстрой с 7-ю лампами, включаемыми при необходимости, с радиотрансляцией, с водопроводом в кухне, с подвалом, заложенным поленницами дубовых колотых дров, с бочками соленых овощей и мешками картошки, запасёнными на зиму, накопанной на Зелёном острове, участке, выделенном коллективу учителей 17-ой средней школы г. Саратова. Летом мы ходили в сандалиях, а зимой в ботинках с калошами. В городе грязи не было, бывало после дождя сыро и эта обувь вполне устраивала нас, городских жителей. То же самое было и с одеждой. меховых шуб и полушубков мы не имели. И вот представьте себе, как трудно пришлось саратовцам оказаться в другом, суровом климате, где на праздники 7-е и 8-е, ноября снежный покров бывает толщиной 1 метр. И соответственно температура воздуха значительно ниже саратовской. Тут уж в тряпочных перчатках и тонких носках не выйдешь на улицу, да ещё в полуботинках с калошами! Надеюсь, что понятно излагаю факты и обстановку, в которую ввергли большую массу народа наши «руководители социалистического государства», не подготовив и не предупредив о предстоящих испытаниях. Ведь не только жители г. Саратова попали под удар властью. Республика немцев Поволжья и не только она, но и все проживающие немцы на территории СССР: Кавказа, Крыма, Краснодарского края, Украины, Белоруссии, в общем всех земель. А сибирские немцы, призванные в трудармию, как и все остальные, оказались на Урале и, тоже, как и все под «комендатурой». Если бы они сбежали домой, то оказались бы дальше места их содержания.

И смех, и грех! Вот такую массу народа оставили без средств к существованию одновременно! Одним словом – геноцид!

А когда, наконец, наступила развязка – официальный конец преследованию немцев Поволжья и всех немцев СССР, от государства был предложен статус потерпевших... Крикуны, видевшие немцев в Казахстане, которые в составе студенческих отрядов возводили щитовые дома для целинников, выдавали себя за знатоков. А видели-то они уже вернувшихся с крайнего севера: с Нижней Тунгуски, притока Енисея, немцев, прошедших ужасы времён ВОВ и послевоенные голодные годы, людей, половина из которых осталась в земле Сибири. Я помню фамилию главного крикуна, он и сейчас продолжает выступать в диспутах о проводимой политике на Украине, где он теперь является оппонентом, а работает, чуть ли не директором какого-то института. Это Надеждин. Вопреки справедливости, когда все немцы страны СССР были высланы по Указу Президиума Верховного Совета СССР, крикуны добились нижнего статуса, не позволяющего больным людям, нашедшим болезни в шахтах и на лесозаготовках, получать необходимые лекарства. Тем самым ещё усугубив их положение. А глава России, Президент, не вмешался, чтобы исправить несправедливость и всё на этом заглохло. Саратовский депутат выступал, доказывая право изгнанного народа Верховной властью на высший статус, но

безуспешно. И это неудивительно, т.к. на всём протяжении, начиная с 1941 года, преследования постоянно творятся всеми властями, от местных и выше. Люди с ранних детских лет вскормлены, если не ненавистью, то презрением к немцам Поволжья, считая их людьми низшей касты (по-индусски). А может и наоборот, высшей. И это постоянно ощущается в общениях. Приведу маленький пример.

Мною была вытащена, в буквальном смысле слова, семья издалека, с самой китайской границы, куда они необдуманно выехали, а назад их не выпускали. Семья из 8 человек была поселена в отдельном отремонтированном доме, газифицированном и электрифицированном. Мужу работа предоставлена, жене тоже – школа. Пекарня, магазин, больница и аптека близко. Командиры среднего звена, решив узнать подробности о начальнике, напоили приезжего и в разговоре с ним, с нажимом сказали: «Ты ведь не знаешь его!» А он в ответ заорал: «Кого! Этого немца?!». Вот так благодарность?! Ведь он знал меня давно. Знал, что я фактически польского происхождения: предки по отцовой линии прибыли из Польши в 1765-м году, из района Познани и поселены в деревне Каменка. Об этом имеется справка, полученная папой, при его уходе вольноопределяющимся (добровольцем) в 1914 г. на фронт 1-й мировой войны. А мамины предки все поляки: и отец, и мать, и их предки. Фамилия дедушки Ильяшевич. Фамилия бабушки Турович. Я немецкого языка не знаю, а школьная и техникумовская подготовка не пополнила мои знания в немецком языке, поэтому я никогда не считал себя немцем, но вот пройти путь ссыльнопоселенца пришлось и никуда этого не денешь. Я на всём протяжении ссылки и общения никогда не выделял никого особыми отношениями. Всегда был одинаково общителен со всеми. Эта выходка меня просто ошарашила. Видите, как где-то в душе этого человека хранилась неприязнь или ненависть, по пьянке выскочившая наружу. По пословице: «Сколько волка не корми, он в лес смотрит». Значит, засевшее в сознании не весть откуда взявшееся крепко прицепилось и удерживается, хранится до определённого момента и, в конце-концов, выскочит. И это на всём протяжении жизни встречалось и от совсем неграмотных людей, и от людей с высшим образованием. Пословица права: «Шила в мешке не утаишь», оно вылезет наружу, проткнув мешковину. Продолжаются негласные репрессии. «Не давать». «Не пущать!». И неизвестно, когда это закончится. По этой причине многие нужные нашей стране люди покинули страну, устав от постоянных ущемлений. Ведь доходило до полного безобразия, когда в советском социалистическом государстве преследовалось возвращение немецкой семьи на свою малую родину уже в 1965-ом году, т.е. через 20 лет после победного завершения ВОВ. Даже позволили людям, имеющим среднее или высшее специальное образование, выйти на улицы села с плакатами: «Немцы – убирайтесь из села!». Это показывает, какие мы «интернационалисты», в чём мы чуть ли не сто лет убеждали весь мир. К этому больше просто нечего добавить. Ведь нас всех приучили, что только высшее лицо в государстве может изменить положение вещей. В прошлом генсек решал за всех важные задачи. Теперь – Президент России. Но он не принимает мер и всё остаётся без изменения.